

Преподобный Косма Маиумский

Фреска из Успенского храма на Вологовом поле. XIV в.

Фото № 12

ПРЕПОДОБНЫЙ КОСМА МАИУМСКИЙ И ЕГО КАНОНЫ (Духовные размышления)

Богослужение Православной Церкви за ряд последних десятилетий привлекает глубокое внимание представителей других исповеданий. Изучается строй Божественной литургии и других православных служб суточного круга: вечерни, утрени, часов. Исследуются отдельные песнопения, сочетание их в различных отделах всеобщего бдения и т. п.

Создававшееся веками и укрепленное в веках православное богослужение запечатлено деятельностью сонма духоносных мужей и жен, вложивших в построение чина его свои силы, вернее же сказать, всю свою жизнь.

Одним из наиболее ярких и благодатных представителей песнописцев церковных следует безоговорочно признать преподобного Косму, епископа Маиумского, жившего в VII—VIII веках. Это был тяжелый для Церкви Христовой период иконоборчества, но одновременно и период, породивший и выдвинувший людей, которые оформили, усовершеншили и, по существу, создали круг церковного богослужения.

Косма Маиумский, побратим и друг святого Иоанна Дамаскина, составителя Октоиха, был его единомышленником в устроении чина Божественной службы.

Из кратких жизнеописаний преподобного Космы известно, что сиротой (ок. 676 г.) он был взят на воспитание и усыновлен богатым вельможей города Дамаска, находившимся при дворе калифа. Вельможа воспитывал его вместе со своим сыном Иоанном. (Есть указания, что Косма родился в Иерусалиме, где и погибли его родители.) Оба — и Иоанн, и Косма — получили образование у одного сицилийского монаха-грека, выкупленного из плена тем же вельможей. По свидетельству Четиих-Миней святителя Димитрия Ростовского, этот воспитатель двух юношей — тоже Косма — знал грамматику и диалектику, философию и арифметику, а также астрономию, богословие и музыку. Все свои знания этот Косма-монах передал своим юным воспитанникам и, завершив их образование, удалился в лавру преподобного Саввы Освященного под Иерусалимом. Друзья и нареченные братья жили в Дамаске, где Иоанн имел высокий пост при дворе калифа. После несправедливого оклеветания Иоанна Дамаскина в 732 году братья удалились в ту же лавру преподобного Саввы, где жил их наставник — старец Косма. Здесь Косма, побратим Дамаскина, разделял ученые его труды и составлял духовные песни.

В 743 году Косма был поставлен во епископа города Маиумы, или Констанции, находящегося в Палестине, близ Газы. После поставления во епископа преподобный Косма не терял своих братских отношений с Иоанном Дамаскиным. В «Историческом учении об отцах Церкви» Филарета, архиепископа Черниговского и Нежинского, находим указание, что преподобный Иоанн Дамаскин, посылая письмо преподобному Косме с приложением своего «источника ведения», писал: «К пастырю преподобнейшему и богоугоднейшему отцу Косме, святейшему епископу Маиумскому, о Господе радоваться». До последних

дней жизни преподобного Иоанна Дамаскина преподобный Косма оставался его другом и сотаинником. Его, Иоанна, он убеждал писать в защиту православия против иконоборцев и сам писал послания. Преподобный Косма пережил своего друга и мирно скончался около 787 г., дожив до глубокой старости.

Творчество преподобного Космы Маиумского всегда высоко оценивалось деятелями церковными.

Так, Иерусалимский патриарх Иоанн свидетельствует о преподобном Косме, что он «составил для Церкви сладкие стройные песни, представляя в то же время из себя самого стройную псалтирь Духа Святого».

В греческой службе, посвященной преподобному Косме Маиумскому, читаем следующий отзыв: «Начальника песнописцев, равного учителям, верный образец духовных песней стройных, трубу dobroгласную... Косму песнями хочу украшать».

Ссылаясь на свидетельство Свида, архиепископ Черниговский Филарет пишет: «Косма... муж высокий — дышит мускийскою гармониею; песенные каноны Иоанна и Космы не имели себе равных между гимнами других песнописцев».

Сохранилось свидетельство некоего схолиаста, восклицающего: «Говоря о Косме, разумею лиру».

Таково свидетельство прежних веков о деятельности преподобного Космы Маиумского. Основное во всех этих сохранившихся мнениях — признание в преподобном песнописце великого лирического дарования, свидетельство о сладости и стройности его песнопений, утверждение, что и сам творец этих песнопений — труба dobroгласная и лира.

В каноне Миней, посвященном преподобному Косме на день его преставления 12 октября, имеются также красноречивые свидетельства качества духовных песен Преподобного. «Песньми красными, — читаем мы в 3-й песни канона, — к песнословию Христову возвеселил еси Невесту (т. е. Церковь), ясно изложив Христовы Божественныя тайны». В 4-й песни эта высказанная мысль детализируется в ряде тропарей: «Предочистив око твоего сердца страстного смущения, Космо иерарше, пение воспел еси красное и спасительное и Церковь просветил еси»; «Недугующую, всеблаженне, Церковь хульными вельными Копронимовыми и бусловными, исцелил еси писаньми, имиже сладкопесенно песнопел еси».

В последующих песнях канона Преподобному прославляются отдельные его праздничные каноны. Так, в песни 5-й читаем: «Песни дивныя сладостно поя, воспел еси неизреченное Владычне, еже из Девы Пречистыя рождество, священнойше».

В песни 6-й: «Словеса твоя яко сот сладкий явишася, благочестивых сердца веселяща, поющих Крещение Спасово, Сретение же Симеоново и отпущение».

Особо отмечен канон Вербного воскресенья: «Не словеса, но вещи ми ты представил еси востание, блаженне, Лазарево из мертвых, и детей хваление, и зависть иудейскую в песнех».

Чтобы не перечислять излишне всё, изображенное в каноне преподобному Косме, отметим, что изъяснено в нем каждое из его творений и как бы суммированы все чувства в возгласе тропаря: «Воистину язык твой трость книжника скорописца, отче, бысть Святаго Духа, писавший великая чудеса слова».

Поистине слова преподобного Космы — «великая чудеса слова!» Об этом необходимо сказать в нашем анализе творчества Преподобного.

Канон Преподобному венчается следующими определениями кондака: «Украшен добродетельми, Космо богодухновенне, Церкви Христовы украшение был еси: песньми бо украсил еси сию, блаженне...»

Воистину преподобный Косма — украшение Церкви, ибо и самое имя его, помимо того, что знаменует «космос, мир», означает также и «украшение».

Богу угодно, даже посреди смут и смятений, сохранять отдельные души, которые являются утешением, украшением, утишением, умирением мира и Церкви. Таким человеком был преподобный святитель Маиумский Косма.

Свидетели последнего времени, из которых должны быть названы: профессор Московской духовной академии А. П. Голубцов; упоминавшийся нами выше Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский, автор обширного труда об отцах Церкви; профессор С.-Петербургской духовной академии Е. И. Ловягин; И. Карабинов и ряд других — говорят о преподобном Косме как выдающемся гимнографе.

А. П. Голубцов указывает, что преподобный Косма вместе с Иоанном Дамаскиным возглавил группу песнописцев, принадлежащих Иерусалиму и находящихся в «особенно близкой связи с лаврою святого Саввы Палестинского...» Эта группа песнописцев известна под именем иерусалимской, или савваитов.

Архиепископ Черниговский Филарет свидетельствует о «торжественности и священных восторгах» некоторых, наиболее прославленных канонов преподобного Космы Маиумского. «По отношению к сим песням, — пишет Преосвященный Филарет, — святой Косма преимущественно достоин имени трубы dobroгласной...». Ссылаясь на свидетельство византийского историка Георгия Кедрина, архиепископ Филарет называет святых Иоанна Дамаскина и Косму «сочинителями мелодий, напевов для церковных песней», а Косму еще, по слову церковной службы, — «начальником песнопевцев».

Профессор Е. И. Ловягин, разбирая каноны святителя Космы Маиумского, останавливается как на подробном содержании каждого канона, так и на их строении со стороны церковной мелодии. Он указывает, к примеру, что канон на Рождество Христово «писан мерною прозою» и по напеву принадлежит к первому гласу, «который по свойству своему есть самый торжественный, радостный и величественный из всех восьми гласов, употребляемых в Православной Церкви».

О каноне преподобного Космы на Сретение Господне Е. И. Ловягин говорит, что «писан он языком прозаическим, размеренным и приспособленным к пению по третьему гласу, отличающемуся торжественной плавностью и умирительной трогательностью своего напева». А творца канона — преподобного Косму — Е. И. Ловягин именует «мудрым писателем канона». В других местах он называет Косму «вдохновенным песнописцем», «знаменитым церковным песнописцем» и т. п.

Наибольшие похвалы профессор Е. И. Ловягин (как, впрочем, и другие исследователи) усваивает канону преподобного Космы на Неделю ваий (Вербное воскресенье). «И по содержанию своему, по господствующему в нем чувству и блестящему выражению, — пишет Е. И. Ловягин про этот канон, — он есть одно из превосходнейших произведений Святителя».

И. Карабинов, указывая на то, что многие тропари канона на Неделю ваий составлены преподобным Космою из изречений Священного Писания, отмечает «особую живописность, возвышенность и одушевление» этого канона. В подтверждение своего мнения И. Карабинов приводит несколько примеров.

Впрочем, следует указать, что в переводе Е. И. Ловягина всюду имеются ссылки на Священное Писание Ветхого и Нового Завета, которые преподобный Святитель Маиумский использует в своих творениях.

В трудах исследователей, посвященных деятельности песнописцев, находим указания на то, что количество полных канонов, написанных

преподобным Космою, составляет 12, и они, в основном, посвящены великим двенадцатым праздникам. Только три из них относятся к прославлению святых: два — святых палестинских (великомученика Георгия Победоносца, 23 апреля, и праведного Иосифа Обручника, 26 декабря), третий — святителя Григория Богослова, 25 января.

Кроме указанных канонов, преподобному Косме Маиумскому принадлежат три песенцы на четыре дня Страстной седмицы (Великие понедельник, вторник, среду и пяток), полный канон на Великий четверток и четверопесенцы на субботу Ваий и Великую субботу.

Вместе с тем А. П. Голубцов считает, что каноны, известные с именем преподобного Космы, «далеко не обнимают полного числа составленных им церковных творений». Так, кроме вышеуказанных произведений святителя Космы Маиумского, в древнем Кондакарии есть сведения об иконе и 14 кондаках, написанных святым песнотворцем на Успение Пресвятой Богородицы. Это мог быть тот род песней, который был принят до введения канонов.

По свидетельству Пресвященного Филарета, архиепископа Черниговского, святой Косма участвовал вместе с Иоанном Дамаскиным в создании Октоиха — Осмогласника, в котором новый род песней, оформленный в виде канонов с ирмосами, являлся основным для каждого гласа. Тот же автор, ссылаясь на свидетельство древних писателей, говорит об «Октоихе Космы и Дамаскина с толкованием Феодора Пророма» и называет обоих преподобных отцов (святых Косму и Иоанна Дамаскина) творцами церковных песней.

В своем подробном исследовании состава Триоди постной И. Карабинов усвоет преподобному Косме стихиры на хвалитех в Неделю ваий, а именно: «Множество народа, Господи...» и «Хотящу Тебе внити во святыи град...» Автор также подробно указывает, какие стихиры принадлежат преподобному Косме в службе утрени первых дней Страстной седмицы. И. Карабинову удалось установить, что «два друга песнописца (Иоанн Дамаскин и Косма Маиумский) работали совместно по одному плану» в написании указанных стихир, и если Дамаскин писал утренние стихиры преимущественно для Великих вторника и четвертка, то Косма — для понедельника и среды.

К творениям преподобного Космы относятся отдельными исследователями переложенные в ямбические стихи псалмы Давида, а также отдельные письма и толкование повестей, приведенных в стихах святителя Григория Богослова.

Ссылаясь на то, что в службе преподобному Косме есть данные о его сочинениях против иконоборцев, архиепископ Черниговский Филарет вместе с тем делает указания, что эти произведения преподобного отца до настоящего времени не сохранились.

Из приведенных сведений о творчестве преподобного Космы и кратких свидетельств его жизнеописания довольно отчетливо вырисовывается облик святого песнописца.

Преподобный Косма прожил длинную, бедную внешними событиями жизнь. Жизнь эту можно признать и мирною, хотя и проходила она среди великих треволнений и горестей. Уже то, что младенцем преподобный отец оказался сиротою и, по существу, чудом был спасен от смерти милостивым вельможей дамасским, наложило отпечаток на формирование его души и восприятие внешнего мира.

Далее, то обстоятельство, что в доме своего приемного отца он нашел себе и брата и духовного друга на всю жизнь в лице сына вельможи, Иоанна, также сыграло большую роль в формировании его личности.

Делом непостижимого Промысла Божия был и тот факт, что оба брата и духовных друга поступили в обучение к образованному монаху, сочетавшему в себе знание светской и духовной премудрости того

времени. В Четвиих-Минеях святителя Димитрия Ростовского имеется трогательный рассказ о том, как этот наставник двух будущих светильников Церкви стоял на торге (так как его продавали, как пленника) и горько плакал. Будучи вопрошен, он ответил, что плачет потому, что хотел бы иметь наследника, которому бы мог передать все то, что изучил за всю свою жизнь. Старец не хотел умирать бесплодным, не оставив последователей. После этой беседы плененный Косма был выкуплен у мусульман воеводою дамасским — отцом Иоанна — и приведен в дом, где его научению и были отданы отроки.

Несомненно, тот факт, что Косма-наставник, кроме богословия, философии и других наук, был знаком и с основами музыки, оказал несомненное влияние на творчество двух духовных братьев, как песнописцев, ибо ими в писании канонов использовался как шестистопный ямб, так и мерная проза.

Большим событием в жизни преподобного Космы было его поставление во епископа Маиумского. В жизнеописании Святителя имеются отчетливые указания на то, что это поставление его «первоседателем Иерусалимским» совершилось против его желания и воли. Оно разлучило его с любимым братом и другом Иоанном Дамаскиным; он должен был покинуть и лавру преподобного Саввы, где они вместе предавались спасительным трудам творчества канонов и других духовных песнопений.

Вместе с тем, как христианин и инок, преподобный Косма принял свой жребий и мирно пас стадо свое в Маиуме. По свидетельству С. Булгакова, составителя «Месяцеслова и Триодиона Православной Церкви», «преподобный Косма святоградец, епископ Маиумский и творец канонов», много потрудился в сане епископа для своей паствы. Ссылаясь на свидетельство Святой Церкви, С. Булгаков говорит о нем, как «мудрости питателе, чистоты кормителе», «верным просветителе» и «благословнике известнейшем». Он, вслед за сведениями, почерпнутыми в службе церковной, пишет, что святитель Косма был «смиреномудр и кроток, тих же и доброглаголив, уветлив и незлобив, целомудрен и праведен, препрост и цел».

Таким преподобный Косма открывается и в своих произведениях, где еще более детально можно вникнуть в особенности его духовного образа и оценить то богатство, какое оставил для Церкви Преподобный в своих трудах.

Как указывалось выше, преподобный Косма более всего известен как творец канонов. Эта форма духовных песней была новой для Церкви. Канон, как цельное произведение, начал формироваться в VII веке трудами святого Андрея Критского. Ранее, при преподобном Романе Сладкопевце (начало VI века), были известны только кондаки и икосы, собранные в кондакарии. Эта форма духовных песнопений не представляла собою организованного, последовательного собрания песней на определенную тему. Таковой формой явился **канон** в трудах преподобных Космы и Иоанна Дамаскина.

Канон представляет собою церковное произведение, построенное из ряда песнопений — **ирмосов** и **тропарей**, объединенных, связанных между собою общей темой. Ирмос (в переводе с греческого означает «сплетенне», «связь») составляется по определенному размеру и напеву; он служит образцом для следующих за ним песней, которые называются тропарями (от слова «обращаюсь»). Таким образом, канон, по Е. И. Ловягину, составляет как бы одну цепь из равномерных звеньев, каждое из которых имеет свой ирмос и свои тропари. Эти звенья канона называются **песнями**.

Подробный анализ канона дает А. П. Голубцов. Он признает канон среди других церковных песнопений наиболее полной и законченной гимнографической формой. **Канон**, по Голубцову, означает «шнур»,

«линейку» — для правильной постановки частей архитектурного целого. В литургическом смысле канон, по Голубцову, — образец службы, или устав.

Канон развился из обработки той части древней утрени, которая состояла из пения библейских песней. Эти песни исполнялись после стихословия псалмов, о чем напоминает в настоящее время чтение шестопсалмия и кафизм.

Современное последование песней несколько отличается от того, что было принято в далеком прошлом; вместе с тем литургическое употребление библейских песней началось с самой глубокой древности. А. П. Голубцов, как и другие исследователи, считает, что канон как известная форма гимнографии составлялся задолго до того, как появились законченные каноны преподобных Иоанна Дамаскина и Космы.

В прежнее время тропари канонов пелись по образцу ирмосов (как теперь поется пасхальный канон). В наше время, когда поется только ирмос, а тропари канона читаются, целостность отдельных песней канона устанавливается, главным образом, в размере и структуре строф ирмоса и тропарей, где отдельные — чаще заключительные — выражения тропарей повторяют таковые ирмоса.

Канон содержит девять песней, в которых ирмос каждой песни знаменует то или иное библейское повествование. Так, ирмос **первой** песни содержит воспоминание перехода евреев через Чермное море. **Вторая** песнь составлена по образу обличения Моисеем неверного народа израильского, готового впасть в идолопоклонство. В связи с подчёркнутым покаянным чувством, которое развивается в этой песни канона, она читается только по вторникам седмиц Великого поста и в заупокойных канонах суббот Мясопустной и Троицкой*. **Третья** песнь канона, ее ирмос, содержит в своей основе молитву святой Анны, матери пророка Самуила, благодарящей Бога о рождении сына. Ирмос **четвертой** песни написан на слова пророка Аввакума, предвозвестившего воплощение Сына Божия. **Пятая** песнь канона берет свою основу в словах пророка Исаии, заключающих пророчество о пришествии Мессии. **Шестая** песнь воспоминает образ пророка Ионы, пребывавшего во чреве китове. **Седьмая** и **восьмая** песни написаны по образцу славословия, которое воспели три отрока иудейских в пещи Вавилонской, будучи спасены от огня. Наконец, **девятая** песнь заключает в себе величание Пресвятой Девы Марии, именно слова, произнесенные Ею при свидании со святою Елисаветою: «Величит душа Моя Господа...»

Каноны каждого дня седмицы составляют одну из основных частей богослужения; они поются и читаются на утрени, которая, в свою очередь, является одной из главных составных частей всеобщего бдения.

Молящимся известны, в основном, ирмосы праздничных канонов, исполняемые по напеву различных гласов Октоиха и создающие главную окраску великих двенадцатых праздников. Согласно уставу Православной Церкви, пение праздничных ирмосов канонов во многих случаях задолго предваряет празднуемое церковное событие: этим подготавливаются верующие к достойной встрече праздника. Так, каждому православному христианину известно, что ирмосы канона на Рождество Христово, начинающиеся радостным «Христос раждается», поются уже на утрени праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы и пение их на всех праздничных утрнях в продолжение более месяца

* При исследовании службы Постной трюды И. Карабинов указывает, что обычай опускать вторую песнь канона относится ко времени преподобного Космы и позднейших песнописцев. Вместе с тем, по Карабинову, многие — и современные Косме, и более поздние — песнописцы сохраняют в канонах вторую песнь. В практике современного православного богослужения вторая песнь канона опускается.

держит душу верующего в ожидании великого праздника «малой Пасхи» — Рождества Христова.

Отдавая этот праздник, Православная Церковь поистине с материнской любовью утешает чад своих, неволью скорбящих об уходящей радости Рождества Христова, тем, что в вечер того же дня, на утрени праздника Обрезания Господня и святого Василия Великого начинается пение крещенских ирмосов: «Глубины открыл есть дно...» И звуки этих песнопений, исполненных торжественности и одновременно мудрости и некоторой суровости, сразу определяют направление молитвы находящегося в храме и совершающего свое очередное приношение Содетелю всяческих.

Сладостные, полные тонкой печали, но одновременно и утешения, ирмосы Сретения Господня поются, по Уставу, в первое воскресенье, как только отдастся праздник Богоявления, или в праздник святого, имеющего в Уставе красный знак. «Сушу глубородительную землю...» — эти начальные слова первого Сретенского ирмоса содержат в себе глубокое раздумье о чередующихся днях и готовят к встрече Великого поста...

То же следует сказать и об ирмосах канона на Воздвижение Животворящего Креста Господня: они вступают в богослужение за полтора месяца до самого праздника и начинают исполняться уже на утрени Происхождения честных древ Животворящего Креста (1 августа).

Необходимо указать, что все перечисленные ирмосы, составляющие основную окраску православного богослужения, знаменующие собою круг церковного года, принадлежит перу преподобного Космы Манумского. Дух святителя Космы все время присутствует, таким образом, за службой церковной.

Отсюда становится понятным, как значительно место канонов, и, наипаче ирмосов их, в структуре богослужения Православной Церкви, и поистине они являются, как говорит А. П. Голубцов, не только шнуром, линейкой для постановки отдельного богослужения дня, но и уставом, образцом службы в размерах всего богослужебного года.

Приходится выразить сожаление, что чтение тропарей канонов (т. е. частей, последующих за ирмосами) не всегда внимательно воспринимается молящимися, почему глубокие и назидательные мысли, заключенные в каждой из песней канона, не всегда доходят до сознания членов Церкви. А между прочим, по Уставу, полагается многократное повторение тропарей в дни великих двенадцатых праздников, с тем, чтобы сокровища мыслей и молитв святых песнописцев, создавших канон, были усвоены всеми молящимися. Подобное чтение сохраняется в отправлении уставного монастырского богослужения; оно обогащает и радостотворит души присутствующих за церковной молитвой.

Основной задачей настоящего очерка и является посильное вхождение в дух писаний, оставленных нам святителем Космою, и известный анализ его глубоких, высокохудожественных произведений.

Вхождение это в дух творений преподобного Космы Манумского и их разбор представляется нам вполне своевременным, поскольку мы можем констатировать глубокую тягу современного человечества к истокам творчества далеких, давно минувших эпох. Человек нашего времени обнаруживает в этих забытых, казалось бы, изжитых материалах радостную и крепкую основу бытия. Так случилось в наши дни, например, с «открытием» древней, византийского стиля иконы, то же происходит и в других областях творчества.

Приступая к разбору канонов преподобного Космы Манумского, целесообразно дать вначале их общую оценку, с тем, чтобы позднее остановиться на ряде вопросов, встающих по мере изучения и вживания в творчество великого гимнографа Православия.

* * *

Каноны преподобного Космы почти безошибочно и сразу узнаются по особой, присущей им возвышенности и сладости изображенияемого. Здесь и мерная фаза, ее неторопливость, ее большая музыкальность и, что самое основное, изображение той милости Божией, того промысления, которые имеет Господь о душе человеческой.

«Истлевша преступлением,—начинает преподобный Косма свой первый тропарь канона на Рождество Христово (ирмос которого — «Христос раждается...»), — по Божию образу бывшего всего тления суща, лучшая отпадша Божественныя жизни, паки обновляет Мудрый Содетель, яко прославися»*.

Сколько здесь смотрения и мудрости, какое глубокое понимание падения человека и какое радостное (и сладостное!) уверение в том, что мудрый Содетель, Создатель наш, опять, «паки» обновляет нас.

И сам размер стиха, который в славянском переводе сохраняет все особенности греческого текста, успокаивает, утешает душу человека, пришедшего в храм прославить одно из величайших таинств нашей веры — Рождество Христово от Пречистой Девы.

Здесь все важно: и значимость разбираемого события, и его свято-отеческая трактовка, и мерность фразы, и ее звучность, и ее утешительность, сладость, умиляющая душу.

Как не возрадоваться, не возвыситься духом, когда в том же каноне на Рождество Христово ниже слышим: «Иже духовения причащся Адам перстный и к тлению поползся женскою лестию, Христа от Жены видя, вопиет: Иже мене ради по мне быв, свят еси, Господи».

Здесь вся радость, спасительность и непостижимость Богочеловечества Христова, и потому преподобный Косма продолжает эту мысль в следующем тропаре канона:

«Сообразен брэнному умалению растворением, Христе, быв, и причастием плоти горшня подав Божественнаго естества, землен быв и пребыв Бог, и возвысивый рог наш, свят еси, Господи».

Основное здесь — возвышение рога, достоинства человека через во-человечение Христово, через подаяние — благодаря этому во-человечению — Божественного естества нам, земным и брэнным.

Об этой величайшей радости и одном из основных догматов нашей веры преподобный Косма говорит спокойно, мерным и тихим языком, находит образы сильные, вкладывает их в нас, уверяет нас в великой и непостижимой к нам любви Божией и закрепляет, утверждает, что «рог наш», достоинство наше возвышено, возвращено к своему началному истоку.

Нам неостанет места сослаться на все каноны преподобного Космы в направлении только что изложенном — оценки его произведений со стороны их поэтической и музыкальной ценности; каждый из его канонов имеет эти достоинства, причем применительно к тому событию, которое воспевается преподобным песнописцем.

Может быть, в данном разделе сто́ит только остановиться на одном из тропарей канона на Сретение Господне, в котором преподобный Косма, проникая в состояние души святого Симеона Богоприимца, от его лица произносит песнь Богу, запечатленную насколько глубиной исповедания святого старца, настолько и непревзойденною поэтичностью.

«Воздал еси мне, вопияше Симеон,—говорится во втором тропаре 9-й песни канона,—спасения Твоего, Христе, радование; восприими

* Здесь и ниже мы даем пунктуацию канонов преподобного Космы с учетом русского перевода Е. И. Ловягина, в связи с тем, что в славянском переводе она приводится в точном согласии с греческим подлинником, пунктуация же эта не соответствует принятой в русском языке.

Твоего служителя, сению претружденнаго, новыя благодати священо-проповедника тайнаго, во хвалении величающа».

Большое внутреннее удовлетворение испытывает верующий человек повторяющий в храме вслед за чтецом эти наполненные смыслом новозаветной Церкви слова, обладающие к тому же успокаивающим душу и ее утешающим размером. «Воздал еси мне, вопияше Симеон, спасения Твоего, Христе, радование...»

Е. И. Ловягин, комментируя указанный канон, также говорит, что во всем каноне песнописец «преимущественно останавливается на лице... праведного старца, прозванного Богоприимцем, которого вдохновенная речь сделала принесение в храм столь высоким и знаменательным в земной жизни нашего Господа».

* * *

Пытаясь дальше проникнуть в дух канонов преподобного Космы Мануцкого, нельзя пройти мимо тех образов природы Божией, которые святой песнописец привлекает к отдельным изображениям тайны нашего исповедания.

«Яко на руно во чрево Девы сшел еси дождь, Христе, и яко капли на землю каплющая...», — говорит преподобный Косма в каноне на Рождество Христово.

«Огнем Божества невещественным в плоть вещественную одеаяся, Иорданскою облагается водою...», — свидетельствует о Христе преподобный песнописец в каноне на Крещение Господне.

Из службы этого же праздника нам известна стихира на литии, относимая к имени Космы монаха, в которой мы узнаём тот же образ, данный с еще большею силою. «Одеваяйся светом яко ризою, нас ради по нам быти сподобился есть, — восклицает Преподобный, — во струи одеается днесь Иорданская, не Сам сих ко очищению требуя, но нам Собою устрояя порождение...» Здесь наряду с великим таинством нашей веры дается и очень сильный, запоминающийся зрительный образ: Тот, Который одеается во свет, как в ризу, ради нас, нашего рождения в новую жизнь, одеается во струи Иорданские, сам не требуя очищения этими струями...

Даже пение одного этого гимна дает возможность воспринять весь праздник Богоявления во всей его силе и спасительности, потому что — как и заканчивается приведенная стихира: «О, чудесе! Без огня изваряет и назидает без сокрушения, и спасает в Него просвещаемыя, Христос Бог и Спас душ наших». Мы рождены и готовы к будущему блаженству, мы спасены без сокрушения и применения огня...

Преподобный Косма любит образ воды и тихих капель, чтобы проникнуть в таинство изображаемого образа.

Подобно тому как в каноне на Рождество Христово упоминались «капли, на землю каплющая», и канон на Сретение Господне Преподобный начинает зримым образом облаков, источающих воду. «Да каплют воду облацы, — пишет он в первом тропаре 1-й песни этого канона, — солнце бо на облаце легче носимо настало есть, на нетленную руку, Христос в Церкви, яко Младенец...»

Младенчеству Христа в этом каноне Преподобный посвящает многие свои строки, особенно подробно излагая его в тропарях 3-й песни.

А образы природы опять владеют творчеством преподобного Космы, и в этом напевном и умирительном каноне Сретения Господня опять появляются параллели с явлениями видимого мира.

«Разумом простертая небеса, веселитесь, и радуйся, земле», — восклицает песнописец. Почему же приводится это воззвание к природе преподобным Космой? Потому, что «из Пребожественных бо недр Божественная Мудрость прошед Христос, Материю Девую Богу Отцу приносится Младенец, Иже прежде всех...»

Берется преподобным Космою также и образ света в каноне на Преображение Господне: «Глаголы животныя другом Христос и о Божественном наказуя Царствии, рече: во Мне Отца познайте, светом яко облистая неприступным...»

Образ света будет углубляться ниже: «Силою язык облечетесь, друзи ученицы, чудни же будете в богатстве их, яко славы наполнитесь, яко явлюся светлее солнца, облистая в радости поющих...»

Еще ниже тот же образ относится уже к ученикам Христовым: «...Светоносныя же наполнишесь Божественныя зари, в радости пояху...»

И так почти каждый тропарь этого канона (и даже отдельные ирмосы) имеет этот прообраз света, в котором печатлеется незримый образ осияния людей силою Христовою.

«Тя Присносушное Сияние во Отечестей славе ученицы яко видевше воссиявша, Христе, Тебе вопияху: во свете Твоем пути наша направи».

Наконец, в своем одном из наиболее замечательных канонов — на Неделю ваий — преподобный песнописец приводит многократно различные образы природы Божией, чтобы найти должное выражение восторга своей верующей души перед Грядущим на осляти.

Это и источники бездны в ирмосе 1-й песни канона, это и горы, уподобляемые жестокосердию язычников, это и все холмы и деревья в последующих песнях, это небо и земля, измеренная дланию, это, наконец, вая и ветви в руках детей еврейских. И всё сие — со сладкопением.

«Явишася источники бездны, влаги непричастны, и открышася моря волнушася основания бурею...», — слышим мы слова ирмоса, начинающего праздничный канон Входа Господня во Иерусалим.

«...О Тебе же Израиль... радуется, и горы, языцы противообразнии каменосердечнии, от Лица Твоего возвеселишася...»

Дальше в каноне с нарастанием внутреннего торжества и пафоса нарастает и сила образов.

«Да точат веселие крепкое мастительное горы, — восклицает преподобный творец канона в 4-й песни, — и все холми, и древа дубравная да възграют: Христа хвалите, языцы, и Тому, вси людие, радующеся возопийте: слава силе Твоей, Господи».

В ирмосе 8-й песни восторг души, сретающей Господа, достигает своей вершины. «Веселися, Иерусалиме, — слышим мы отчетливо в радостных звуках хора, — торжествуйте, любящии Сиона: царствуй бо во веки Господь сил прииде. Да благоговет вся земля от Лица Его и да вопиет: благословите, вся дела Господня, Господа».

Преподобный Косма нашел в своем сердце такие слова, до которых не могли дойти самые тонкие поэты: «да благоговет вся земля от Лица Его...»

Можно безмерно и очень глубоко утешаться предложенным нам образом и этим же образом войти внутрь и обрести мир с самим собою и со всеми окружающими тебя, потому что вся земля благоговет от зренья Лица Божия.

В этот праздник соединяются земля и небо, весь охват их, потому что пришел Господь, «пядню измеривый небо, дланию же землю», иначе — всю вселенную.

И, наконец, упоминание ваий и ветвей.

В 9-й песни канона об этом поется в ирмосе: «Бог Господь и явися нам. Составите праздник, и веселяшеся приидите возвеличим Христа, с ванами и ветвми песньми зовуще, благословен Грядый во имя Господа Спаса нашего».

Образ гор и бездны, огня и света будет пронизывать и другие произведения Песнописца, но именно изложенные формы космоса наиболее

полно объемлют со всех сторон речения канона Преподобного на Неделю ваний.

* * *

Два выделенных нами раздела касаются по существу и преимущественно внешней формы канонов святителя Космы Маиумского. Основной же их, их жизненной силой, тем, что слова его песнопений значимы до последних дней, несомненно является их глубокое богословское достоинство.

Высокое богословие отражено во всех канонах преподобного Космы, и касается оно основных и спасительных догматов нашей веры.

Догматы эти поданы в песнях, изложенных «мерною прозою», тогда как акростих канонов, его «краегранесие» по большей части представляет собой стих шестистопного ямба. Таким образом, догматы нашего исповедания, его великие тайны как бы вливаются преподобным поэтом в наши души.

Вряд ли возможно полностью исчерпать все то богатство богословия, которого касался преподобный Косма в своих богомудрых писаниях. Нам представляется важным остановиться на основных.

* * *

Таинство Святой Троицы преподобный творец канонов освещает не часто. Как правило, последний тропарь каждой песни канона (который может быть Троичным) продолжает у преподобного Космы развитие той основной мысли, которая излагается в данной песни. При этом следует отметить, что в целях закрепления ведущей идеи святитель Маиумский прибегает к повторению последних слов тропарей, которые сочетаются с последним выражением ведущего ирмоса.

Это повторение может быть неизменяемым по форме как в ирмосе, так и в тропарях. Так, к примеру, 1-я песнь канона на Рождество Христово имеет ирмос, заканчивающийся словами «яко прославися» (знаменитый ирмос «Христос раждается...»), и то же выражение — «яко прославися» — имеется во всех трех тропарях 1-й песни.

В 4-й песни того же канона преподобный Косма возглашает в конце ирмоса: «слава силе Твоей, Господи» и затем повторяет это выражение в трех последующих тропарях.

Иногда, как в 6-й песни канона на Крещение Господне, преподобный Косма кончает ирмос словами «от тли мир избавляяй», а в первом тропаре окончание звучит: «от лести избавляя» и во втором: «от прегрешений избавляя».

Таким образом, как правило, Троичен не принят в канонах святителя Маиумского. Прославление Святой Троицы песнописец дает преимущественно в канонах тех праздников, которые освещают этот великий догмат. Так, в каноне на Богоявление в заключительном тропаре 8-й песни преподобный Косма восклицает: «Троицы явление во Иордане бысть: Самое бо Пребожественное естество Отец возгласи: Сей крещаемый Сын Возлюбленный Мой; Дух же прииде к подобному, Егоже благословят людие и превозносят во вся веки».

Преподобный Косма, таким образом, богословствует о Крещении Господнем как о явлении Святой Троицы-Бога.

Это утешительное воззрение на погружение Христово в водах Иорданских как на день Святой Троицы дает основание верующим говорить о празднике Крещения Господня как о «зимней Троице» — по аналогии с «летней Троицей» — праздником Пятидесятницы.

В том же каноне, в 7-й песни, преподобный Косма восклицает: «Вси вернии... со Ангелы прославим Отца, и Сына, и Духа Святаго: се бо Троица Ипостасьми, Единосущая, Един же Бог...»

Особой высоты и сосредоточенности достигает воспевание Святой Троицы-Бога в каноне на Пятидесятницу. Причем следует отметить, что именно в тех песнях, где прославление Святой Троицы достигает своей вершины, имеется всего по одному тропарю — так великое таинство нашей веры должно было быть изложено, по мысли преподобного песнописца: предельно кратко и отчетливо. Такими песнями являются в упоминаемом каноне: 3-я, 5-я и 6-я. В единственном тропаре 3-й песни преподносится изложение действия Святого Духа в мире, ведущего к познанию Святой Троицы.

Так как, по Уставу, тропари праздничных канонов должны многократно повторяться, изложенное в этом единственном тропаре исповедание таинства Святой Троицы должно особенно сильно воздействовать на душу молящегося. К тому же здесь и прекрасный размер прозы, остающейся в памяти как великая радость и торжество нашего исповедания.

«Божественного Духа нашедшая сила... во едино приличе Божественне совокупи, ведением Троицы вразумляющи верныя, в Нейже утвердимомся».

В единственном тропаре 5-й песни (также рассчитанном на многократное повторение) преподобный Косма излагает — насколько это доступно для человеческого разума — самое таинство Святой Троицы.

«Нашедшая Сила днесь сия, Дух Благий, Дух Премудрости Божия, Дух от Отца исходяй, и Сыном верным нам явлейся, подавателен, в нижеже вселяется естеством святыни, в нейже зрится».

Воистину богослужение Православной Церкви является подлинным училищем святой веры, и, воспринимаемые со вниманием, глаголы святых песнописцев становятся живым руководством к внутренней жизни. Значение имеет, повторяем еще раз, и та благородная форма изъяснения великих догматов, которая печатлется в песнях канонов.

Величаяя мудрость, православное исповедание, размеренная форма стиха — все ведет к тому, чтобы молящиеся, «верные», по слову церковному, насытились подлинным и высоким богословием.

Не случайно поэтому именно каноны преподобного Космы на великие праздники положены Святою Церковью первыми в ряду других, также высоких по стилю, канонов. Они вводят души «верных» в празднование священного события, закрепляют в них праздник и сообщают сердцам их глубокое духовное радование.

Свой богатый духовный дар проявляет преподобный Косма и ниже, в 6-й песни канона на Пятидесятницу. «От Духа Твоего, — вещает он, — на плоть всякую, якоже рекл еси, богато излиал еси, и исполнишаея всяческая Твоего ведения, Господи, яко из Отца Сын нетленно родился еси и Дух нераздельный изыде». Вот таинство Живоначальной Троицы, обильно приобщающей всякую плоть ведения непостижимых таин нашей веры! Воистину Она есть Троица, живо-творящая нас!

Еще раз закрепляет преподобный Косма богословие Святой Троицы в 7-й песни канона: «Нераздельное естество православно богословим, Бога Отца Безначального, тояжде власти Слова и Духа, благословен еси, зовуще, Боже отец наших».

Далее преподобный песнописец излагает уже действие Троицы-Бога в людях, и этому посвящены остальные песни его канона на Пятидесятницу.

«Яко на некасаемую превосходяще гору, не боящися огня страшаша, — призывает он верных в 8-й песни канона, — приидите и станем на горе Сионской, во граде Живаго Бога, духоносным учеником ныне сликующе: вся дела, Господа пойте и превозносите во вся веки».

Святитель касается таинства Святой Троицы также и в каноне на Преображение Господне (в последнем тропаре 9-й песни), где, как бы

заклячая все изреченное им о чудном свете Фаворском и Лице Спаса нашего, говорит: «Образе непременный Сушаго, недвижимо, печать неизменна, Сыне, Слове, Мудросте и мышце, деснице Вышняго, сило, Тя воспевает со Отцем же и Духом».

Таким образом, во всех тех великих двенадцатых праздниках, где обозначается действие Троицы-Бога, святитель Маиумский оставляет печать своего труда и своего гения, восхваляющих Единосущную и Нераздельную и Животворящую Троицу.

* * *

Центральным в канонах преподобного Космы является, по нашему разумению, наиболее полно воспетый им догмат о Богочеловечестве Христовом — о двух естествах Спасителя нашего. С великой любовью и страхом излагает Святитель эту спасительную тайну нашей веры, находя глубокие подобия, как мы уже указывали, в стихиях тварного мира Божия.

«Перед Лицем Твоим горы уклонишася,— восклицает Преподобный в каноне на Преображение Господне,— свет бо и пред ногами неботечная лучи, Христе, солнце прииде, зрак землен яко прияти благоволил еси» (первый тропарь 5-й песни). Это — о нашем человеческом зраке богословствует преподобный Косма, и каким миром космических явлений окружает он преобразившееся Лицо Христово! Даже горы преклонились пред Лицом Его!

Спасительная тайна Богочеловечества Христова со всех сторон воспевается святителем Маиумским в каноне на Рождество Христово.

«Видев Зиждитель гиблема человека,— размышляет он во втором тропаре 1-й песни,— ...приклонив небеса, сходит: сего же от Девы Божественныя Чистыя, всего осуществляет, воистину воплощься, яко прославися». Все существо наше, наше естество воистину принято Христом от Девы.

«Мудрость, Слово и Сила,— продолжает Святитель дальше, в следующем тропаре,— Сын сый Отчий и Сияние, Христос Бог, сил утаився, елико премирных и елико на земли, и вочеловечься обновил есть нас, яко прославися». Здесь весь, во всем объеме догмат о Богочеловечестве Христовом и о том, что приятие Христом естества нашего творит нас новыми, обновляет, спасает нас.

Торжество «малой Пасхи» — Рождества Христова — многообразно и радостно, со всех сторон воспевается преподобным Космой: здесь и небесные Силы, здесь и пастыри, и волхвы с дарами. Здесь приводятся многообразные и богатые ссылки на Писание Ветхого Завета, так же как и Нового. Великий праздник, сияющий разнообразными огнями таланта великого песнописца, переполняет душу.

Но опять и опять преподобный Косма возвращается к догмату двух естеств Христовых.

«Се Дева, якоже древле рече,— торжественно и мерно свидетельствует песнописец в 5-й песни,— во чреве приемши, родила есть Бога вочеловечшася, и пребывает Дева...»

Эту тайну следует еще и еще углубить в нашем сознании, и потому в следующей, 6-й песни преподобный Косма возглашает: «Прииде воплощься Христос Бог наш, из чрева Егоже Отец прежде денницы раждает; правления же держа пречистых Сил, в яслех скотнях возлежит, и пеленами повивается, разрешает же многоплетенныя пленицы прегрешений».

Вот сладостная тайна спасения нашего: Тот, Кто возлежит «в яслях скотнях», расторгает многоплетенные узы наших прегрешений — это необходимо запомнить.

Сурово, в созвучие истощению Христову на Иордане звучит тот же догмат в устах преподобного Космы в его каноне на Богоявление.

«Адама истлевшаго обновляет струями Иорданскими, и змиев главы гнездящихся сокрушает Царь веков Господь, яко прославися» (первый тропарь 1-й песни).

В следующем тропаре идет разъяснение изложенного: «Огнем Божества невещественным в плоть вещественну одеаяся, Иорданскою облагается водою воплощется от Девы Господь, яко прославися».

Спасительный догмат, так полюбившийся преподобному песнописцу, имеет в этом каноне совершенно новые выражения и параллели по сравнению с каноном на Рождество Христово. Там — рождение от Девы и от Отца прежде денницы, здесь — огонь Божества и вода Иорданская.

«Огнем крестит конечным Христос противныя, а не Бога мудрствующих Его, — звучит тот же догмат в 6-й песни канона на Богоявление, — Духом же обновляет водою благодати разумливия Божества Его, от прегрешений избавляя».

В каноне на Сретение Господне Богочеловечество Христово подается преподобным Космой с необычайной теплотой. Если в каноне на Рождество Христово величие тайны рождения от Девы закрывает все остальное, здесь, в празднике Сретения, прежде всего — Христос-Младенец. «...Христос в Церкви, яко Младенец...», — говорит преподобный Косма уже в первом тропаре 1-й песни канона.

И дальше будет развиваться та же истина Боговоплощения. «Перворожден из Отца прежде век, перворожден Младенец из Девы Неленный, Адаму руку стирая, явися», — говорит Святитель в первом тропаре 3-й песни канона. Здесь образ Адама звучит совершенно иначе, чем в каноне на Крещение Господне. Там — «Адам истлевший» и его обновляет струями Господь; здесь — Адаму Младенец Христос стирает руку. Такова сила гения святого песнописца: в каждом священном событии можно различить действующую благодать Божию, и очищающую, и милующую, и стирающую руку.

В 5-й песни Христос — опять Младенец-Бог, и святой Симеон Богоприимец трепещет и говорит Богоматери: «... Огнь... носиши, Чистая: Младенца боюся объяти Бога, Света Невечерняго и миром владычествующа».

В 6-й песни продолжается молитва праведного Симеона, по-прежнему отражая великий догмат Богочеловечества Христова: «Сыну Вышняго, Сыну Девы, Богу, Отрочати бывшему, поклоншася Тебе ныне отпусти с миром». Какая власть в этом Отрочати-Боге, как радуется Ему и как одновременно трепещет старец Симеон!

Праведный Симеон будет и дальше продолжать свои речи в остальных песнях канона, и Богочеловечество Христово опять и опять будет возноситься.

«Се, Симеон вопияше, пререкаемое знамение Сей будет, Бог Сый и Отроча...» (8-я песнь).

И в заключительной, 9-й песни канона: «Иже древним новорожденных горличищ супруг, двоица же бяше птенцев, в нихже место Божественный старец и целомудренная Анна пророчица, от Девы рожденному и Сыну Единородному Отчу, в церковь приносиму служат величающе».

От начала и до конца этого канона Христос — Бог и Человек, Бог и Младенец, Бог и Отроча.

Воздадим похвалу таланту великого Божия песнописца!

В своем замечательном каноне на Неделю ваий святитель Косма весь погружен в созерцание грядущего на осляти Сына Божия, глубокого смирения Его и — в связи с этой глубиной смирения — судьбы будущего Царства Христова. Здесь он уже не богословствует о Богочеловечестве Его, а утверждает, что Он — камень, на котором утвер-

дилась Его Церковь. Сладкопение ирмосов и дивная мелодия тропарей воистину достигают в этом каноне своей вершины.

В каноне на Преображение Господне преподобному Косме наиболее близка мысль не столько о принятии Христом человеческой плоти, сколько о том, что Он, Христос, есть Отчее Сияние.

«Во Мне Отца познайте»,— говорит Христос ученикам Своим уже в первом тропаре 1-й песни канона. Весь канон этот обильно пронизан образом света; преподобный песнописец всюду приводит ссылки на образ света и сияния в Ветхом Завете, но опять возвращается к основной своей идее— Отческого сияния— и восклицает в 5-й песни: «Тя Присносущное Сияние во Отечестей славе ученицы яко видевше возсиявша, Христе, Тебе вопияху: во свете Твоем пути наша направи».

И воистину, по преподобному Косме, свет этот обожает человека, как он и проповедует об этом в 8-й песни: «Неприступною славою на горе явлься неизреченно Фаворстей, неодолимый и незаходимый Свет, Отчее Сияние, тварь уяснив, человеки обожил...»

Ниже, в той же песни, сказанное развивается дальше: «...Божественная начертание ясно Ипостаси видевше, Христа во Отечестей облиставша славе, воспеваху...»

Вся идея завершается в 9-й песни: «...Отец бо светов, Сей есть Сын Мой Возлюбленный, апостолом вопияше, Того послушайте».

Преподобный Косма счел необходимым особенно воспеть в этом каноне Божественную Ипостась Христову, Его рождение от Бога Отца, как и печатлеется в Символе нашей веры, изложенном святыми отцами: «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна...»

Каноны и трипесницы преподобного Космы Маиумского на Страстную седмицу излагают в основном Евангельские чтения этих дней, но здесь же Святитель дает опять глубокое богословское обоснование догмату Богочеловечества Христова.

Уже на утрени Великого понедельника после трогательного пения ирмоса «Непроходимое волнящееся море» слышим слова первого тропаря 1-й песни трипеснца, полные глубокой любви к человечеству, где Божественное и человеческое естество Христовы соединены в незабываемом образе. «Неизреченное Слова Божия схождение,— слышим мы слова тропаря,— еже Христос Тойжде есть Бог и Человек, еже Бог невозмищением быти непшевав, вегда воображати рабом, показывает учеником, славно бо прославися».

Служение Слова углубляется в следующем тропаре той же песни: «Послужити Сам приидох, егоже зраком Создатель волею обложен есмь, обнищавшему Адаму богатствуая Божеством, положити хотяи Мою душу избавление за ны, Иже безстрастный Божеством». «Я Сам, богатый Божеством (говорит Христос), пришел послужить обнищавшему Адаму, образом которого Я, Создатель, добровольно облекся, и положить душу Мою во искупление за него...»— так выглядит это богословствование преподобного Космы в русском переводе.

К службе Великого четверга, когда нарастает сила переживаний Страстной седмицы, нарастает и излияние души преподобного Космы. Он исторгает великие по силе, незабываемые образы слова, в которых излагается истощание Христово.

«Всевиновная и подательная жизни, безмерная Мудрость Божия,— слышим мы в первом тропаре 1-й песни канона Великого четверга,— созда храм Себе от Чистыя Неискусомужныя Матере; в храм бо телесен оболкийся, славно прославися Христос Бог наш».

Здесь взят преподобным Космой высокий уровень богословия, который развивается дальше, достигая в отдельных песнях неизъяснимой глубины, захватывающей сердце молящегося.

Так, мы слышим пение ирмоса 3-й песни и не знаем чему отдать предпочтение: самому ли потрясающему напеву, или смыслу тех слов,

в которых изложен подвиг Христа Спасителя. «Господь Сый всех и Зиждитель, Бог созданное безстрастный, обнищав Себе соедини, и Пасха, за яже хотяше умерети, Сам Сый, Себе предпожре: ядите, вопния, Тело Мое и верою утвердитесь». Здесь и тайна Богочеловечества Христова, и тайна Пасхи, и, наконец, тайна Божественной Жертвы Евхаристии.

Ирмос 9-й песни того же канона берется как Задостойник дня и окрашивает собою наряду с другими песнопениями церковными неповторимое радостно-торжественное служение Божественной литургии в день Великого четверга — день установления Таинства святого Причащения. «Странствия Владычня и бессмертныя трапезы на горнем месте высокими умы, вернии, приидите, насладимся, возшедша Слова от Слова научившися, Егоже величаем».

Нам не совсем понятно слово «странствие», его следовало бы перевести как «гостеприимство (Божие)». Но термин «высокими умы», который буквально повторяет греческий подлинник, нам очень дорог и близок, и мы воистину наслаждаемся «высокими умы», причащаясь «бессмертныя трапезы», познав пришедшее к нам Слово Божие.

В развитие идей Богочеловечества Христова написан преподобным Космой и канон на Воздвижение Креста Господня. Преосвященным Филаретом, архиепископом Черниговским, этот канон преподобного песнописца признается — наряду с канонами Недели ваий и Успения Богоматери — одним из самых торжественных, исполненных «священными восторгами».

Действительно, в этом каноне для изображения торжества Креста Христова преподобный песнописец приводит многие свидетельства Ветхого Завета, поданные с высоким священным пафосом. Здесь и образ пророка Моисея, «вообразившего крест», и образ израильского народа, разделившегося крестообразно в предшествии скинии; здесь воспоминание меча, охраняющего Едем по грехопадению прародителей; здесь пророк Иона, крестовидно распостерший руки в утробе кита, и патриарх Иаков, крестообразно благословляющий внуков, здесь и многообразные новозаветные образы.

Воспевая «треблаженное Древо», преподобный Косма не перестает воспевать подвиг Христов. «О треблаженное Древо,— восклицает он,— на немже распяся Христос Царь и Господь, имже паде древом прельстивый, тобою прельстився, Богу пригвоздившуся плотию, подающему мир душам нашим» (ирмос 5-й песни канона).

Дальше Святитель, изображая тайну Креста, приникая к домостроительству нашего спасения, призывает небесные силы воспеть Крест Христов, указывая, что на нем был распят Бог Слово: «Воздвигаему Древу, окроплену Кровию воплощаюся Слова Бога, пойте, небесныя силы...» (первый тропарь 8-й песни).

Венчается канон Воздвижения тропарем 9-й песни, где излагается мысль о победе Крестом всех наших греховных начинаний: «Священный воста рог, и глава всем богомудрым Крест, имже грешных мысленно стираются роги вси...»

Вероятно, приведенного достаточно для доказательства того, как глубоко осветил преподобный Косма догмат о Богочеловечестве Христовом в своих творениях. Стоит только в заключение этого раздела указать, что и в своем неполном каноне (песни 6-я — 9-я) на утрени Великой субботы Святитель Христов не смог удержаться, чтобы не вернуться к этой, полюбившейся ему тайне еще раз.

«...Аще бо и разорися Твой храм во время страсти,— восклицает преподобный Косма в первом тропаре 6-й песни канона Великой субботы,— но и тако един бе состав Божества и плоти Твоя: во обоих бо един еси Сын, Слово Божие, Бог и Человек». И в 8-й песни того же

канона он говорит еще раз: «...Адаму бо первому Второй, Иже в вышних Живый, сиnde даже до адовых сокровищ; Егоже, отроцы, благословите, священницы, воспойте, людие, превозносите во вся веки».

На этом исповедании Богочеловечества Христова в день Великой субботы умолкает преподобный песнописец и уже не будет воспевать Светлое Христово Воскресение, предоставив это дело свосму другу и брату — преподобному Иоанну Дамаскину.

Здесь нам не хотелось бы входить в человеческие домыслы, почему преподобный Косма сам не воспел Светлое Христово Воскресение, но из анализа его трудов следует, что по структуре своего характера преподобный Косма был более склонен углубляться в вопросы трагического в бытии человеческом и искать выхода из падения человека — первого Адама — в полноте жизни и страдания Второго Адама — Христа («Адаму бо первому Второй...»). Воспеванию подвига Христова преподобный гимнограф посвятил всю силу своей жизни.

* * *

Из всех великих двенадцатых Богородичных праздников преподобным Космою написан только один канон на Успение Богоматери. Замечательными Богородичными песнями являются также ирмосы его трипеснцев и канонов Страстной седмицы. Таким образом, только преставлению Пречистой посвящены в полном каноне мысли прославленного песнописца.

По свидетельству Е. И. Ловягина, канон этот располагает «душу к торжественной радости и высокому духовному восторгу».

Действительно, первый тропарь 1-й песни начинается возвышенным приглашением небожителей провожать в Сион Божественное тело Богоматери: «Да провождают невещественнии чинове небошественное в Сион Божественное тело Твое...». К этому торжеству присоединяются апостолы: «...Внезапу же стекшеся апостол множество от конец, Богородице, Тебе предсташа абие; с нимиже, Чистая, Твою честную, Дево, память славим».

Дальше в том же высоком стиле убажается Пречистая, торжествующая Свою победу над смертью: «Победныя почести взяла еси на естество, Чистая, Бога рождши; обаче же подобящися Творцу Твоему и Сыну, паче естества повинуешися естественным законом; темже, умерши, с Сыном встаеши вечнующи» (первый тропарь).

Как и везде в своих канонах, преподобный Косма приглашает свидетелей Ветхого Завета, чтобы увеличить, усилить торжество праздника. «Речи пророков и гадания,— восклицает он в ирмосе 4-й песни,— воплощение проявиша от Девы Твое, Христе: сияние блистания Твоего во свет языков изыдет, и возгласит Тебе бездна с веселием: силе Твоей слава, Человеколюбче».

Святитель Косма называет Божию Матерь земным небом, убажает сосуд Ее девства, именует Ее светлым светильником невещественного Света, кадильницей, стамной, жезлом, богописанной скрижалю, святым ковчегом, трапезой Слова жизни.

«Высокою мыслию» приглашает преподобный песнописец провожать день преставления Пречистой Девы, кимвалами чистых уст, стройной свирелью сердца.

Весь канон пронизан серьезностью происходящего события — преставления Пречистой, снабжен строгим размером и значительностью употребляемых выражений, продуманной музыкальностью фраз, отчего вонстину смерть становится торжеством в устах преподобного песнописца.

Замечателен заключительный ирмос канона, который является за-достоинником праздника: «Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево

Чистая: девствует бо рождество, и живот предобручает смерть; по рождестве Дева и по смерти жива, спасаеши присно, Богородице, наследие Твое».

Вонстину христиане — люди церковные, наследие Божией Матери — призваны воспевать дивные чудеса их веры и в них утверждаться!

Последние дни жизни Спасителя, как уже говорилось, подробно освещены в творениях святителя, «господина Космы», как он именуется в Триоды постной, и в этих творениях особенно примечательны Богородичные песни — ирмосы 9-й песни канонов.

Так, на утрени Лазаревой субботы необычайно сильно звучит заключительный ирмос четверопеснца, который является и задостойником этого дня. Он поется на утрени вместо «Честнейшую». Пречистая Дева почтена здесь в кратких и сильных выражениях, присущих дню воскресения Лазаря. «Чистую славно почтим, людие, Богородицу, огонь Божества примшую во чреве неопально, песньми величаем».

Все неповторимое построение службы этого дня, так любимого верующими, находит свое завершение в пении этого заключительного прославления Богоматери.

В ирмосах 9-й песни трипеснцев и двупеснцев Страстной седмицы преподобный Косма с особым духовным изяществом, присущим воспоминаемым событиям, восхваляет Божию Матерь.

«Возвеличил еси, Христе, рождшую Тя Богородицу,— поет он в ирмосе 9-й песни канона Великого понедельника,— от Неяже, Создателю наш, в подобоострастное нам облеклся еси тело, наших прегрешений рещительное...».

В заключительном ирмосе двупеснца Великого вторника воспевание Богоматери настолько кратко, насколько и выразительно: «Невместимаго Бога во чреве вместившая и радость миру родившая, Тя поем, Богородице Дево».

В Великую среду святой Косма призывает: «Душами чистыми и нескверными устами, придите, возвеличим Нескверную и Пречистую Матерь Еммануилеву...», а в трипеснице Великого пятка мы слышим его бессмертные слова, добытые из самой глубины сердца: «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».

Этот ирмос усвоился богослужением Православной Церкви и стал ежедневно употребляться при величании Матери Божией на 9-й песни канона вместе с евангельским воспеванием Бога Самой Пречистой Девой: «Величит душа Моя Господа...»

Цикл Богородичных песнопений на богослужениях Страстной седмицы заканчивается ирмосом 9-й песни канона Великой субботы. Этот ирмос является задостойником дня Великой субботы и уже вводит молящихся в празднование Воскресения Христова: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Егоже во чреве без семени зачала еси Сына: востану бо и прославлюся, и вознесу со славою, непрестанно, яко Бог, верою и любовью Тя величающия».

Здесь не требуется анализа творения преподобного Космы, потому что здесь сами за себя говорят дивные слова ирмоса. Многие из нас проливают горячие слезы, слыша, как Сын Божий уговаривает свою Пречистую Матерь не рыдать.

В православной иконописи известна икона Богоматери, именуемая «Не рыдай Мене, Мати». Она представляет собою по существу Пьету западноевропейских художников и так же, как и там, изображает оплакивание Христа Пречистой Девой.

* * *

Наконец, нам представляется необходимым выделить те мысли преподобного Космы, которые касаются идеи Церкви.

Больше всего этих размышлений преподобного песнописца можно усмотреть в каноне на Пятидесятницу, где совместно с богословствованием о Трех Лицах Святой Троицы излагается и богословие Церкви. Мысли эти изложены вместе с тем прикровенно, иносказательно.

Так, это мы видим уже в первом тропаре 1-й песни упомянутого канона: «Делом якоже древле учеником обещал еси, Утешителя Духа пославый, Христе, возсиял еси миру свет, Человеколюбче». «Миру свет» — это вера Христова и это, конечно, Церковь.

Изложенную мысль закрепляют слова следующего по порядку тропаря: «...Божественнаго Духа днесь всем бо верным благодать излиная». «Всем верным», то есть попов, молодой Церкви Христовой.

Тот же сокровенный помысл о Церкви видим мы и в следующей песни канона, где в ее единственном тропаре преподобный Косма возглашает: «Божественнаго Духа нашедшая сила... во едино приличие Божественне совокупи, вѣденнем Тронцы вразумляющи верныя, в Нейже утвердохомся».

И дальше в этом каноне преподобный Косма прикровенно касается вопроса о Церкви, всегда находя для выражения своей мысли вдохновенные подобия и метафоры. Так, в 8-й песни он восклицает: «Яко на некасаемую превосходяще гору, не боящися огня страшаща, приидите и станем на горе Сионской, во граде Живаго Бога, духоносным учеником ныне сликующе: вся дела, Господа пойте и превозносите во вся веки».

И «некасаемая гора», и «град Живаго Бога» — это, несомненно, та Церковь апостольская, где, «сликующе духовносным учеником», все верующие могут отныне стяжать вечную жизнь.

Завершается этот канон таинственным предзрением делания Церкви Христовой в мире. «Закона естеств кроме,— воспеваает святой песнописец в последнем тропаре 9-й песни,— странное слышашеся учеников: единому бо гласу гласящу Духа благодатию различне, оглашахуся людие, племена и языки Божественная величия, Тронцы вѣдению научающеса».

Пророческие слова преподобного Космы! Мы видим их сбытие до последних дней нашего века!

Наряду с этим прикровенным воспеванием Церкви, ее идеи в других своих творениях преподобный гимнограф говорит о Церкви уже отчетливо, употребляя и самый термин.

Так, в каноне на Неделю ваий преподобный Косма возглашает в 1-й песни: «Хваление Церковь преподобных, живущему в Сионе, Тебе, Христе, приносит; о Тебе же Израиль Творце своем радуется...»

Нам думается, что и в ирмосе этой песни святитель Маиумский, говоря об «изрядных людях», которых спасает мановение Божие, имеет в виду людей церковных, «поющих победную песнь» Господу. «Явишася истощицы бездны,— воспеваает в нем песнописец,— влаги непричастны, и открышася моря волнующася основания бурею: маннем бо запретил еси ему, изрядныя же люди спасл еси, поющия победную песнь Тебе, Господи».

И, действительно, в следующем же ирмосе преподобный Косма во всю мощь и с великой радостью (и одновременно сладостию) воспеваает: «Точащий краесекомый повелением Твоим, твердый ссаша камень Израильтестии людие: Камень же Ты еси, Христе, и Жизнь, на Немже утвердися Церковь, зовущая: осанна, благословен еси, Грядый».

Окончание этого ирмоса повторяется Преподобным далее в тропарях той же песни с очень небольшими изменениями. Так, в первом тропаре эта заключительная часть означает: «... Воскресение бо Ты, Христе, и Жизнь, в Немже утвердися Церковь зовущи: осанна, благословен еси, Грядый».

Во втором тропаре окончание звучит так: «...Сам грядет во славе

со областню, в Немже утвердися Церковь зовущи: осанна, благословен еси, Грядый»*.

Образ Христа, грядущего на ослати «во славе со областню», был очень значительным для святителя Манумского, и именно в этот праздник, пророчески прозирая будущее христианства, он воспел Церковь.

Еще более «преискренне» и глубоко он касается той же идеи в 6-й песни разбираемого нами канона. Здесь преподобный Косма восхваляет уже Таинство святой Евхаристии, которое в Церкви является центральным.

«Возопиша с веселнем праведных души,— восклицает в восторге духа Преподобный,— ныне миру Завет Новый завещается, и кроплением да обновятся людие Божия Крове».

В последующих тропарях этой песни для того, чтобы основная мысль была закреплена, Преподобный повторяет окончание: «...и кроплением да обновятся людие Божия Крове».

Ирмос 8-й песни как бы завершает мысли преподобного песнописца о Церкви Христовой, здесь уже в иносказательной форме. «Веселися, Иерусалиме, торжествуйте, любящие Сиона,— в растворении сердца вещает преподобный Косма,— царствуяй бо во веки Господь сил прииде; да благоговет вся земля от Лица Его и да вопиет: благословите, вся дела Господня, Господа». Здесь и «Иерусалим», и «любящие Сиона» — символы Церкви.

Размышления преподобного песнописца о Церкви и ее воспевание мы встречаем также и в отдельных ирмосах (реже тропарях) канонов на великие праздники. Так, он возносит свою молитву о Церкви в ирмосе 3-й песни канона на Успение Пресвятой Богородицы. «Содетельная и содержительная всех Божия Мудросте и Силу,— слышим мы в звучании торжественного напева этого ирмоса,— непреклонну, недвижиму Церковь утверди, Христе: един бо еси свят, во святых почиваяй». И это воззвание ко Христу среди молитв и воздыханий, направленных к Пречистой, еще более печатлеет значимость праздника Ее Успения.

В ирмосе 3-й песни канона на Воздвижение Креста Господня Святитель свидетельствует, что сотворил Крест Христов в Церкви, прежде бесплодной. «Жезл во образ тайны приемлется,— воспевает он,— прозябением бо предразсуждает священника, неплодящей же прежде Церкви, ныне процвете Древо Креста в державу и утверждение».

Ту же мысль о неплодной прежде, но ставшей Христовой, Церкви находим в первом тропаре 3-й песни канона на Богоявление. «Неплодная древле и безчадная люте,— утверждает преподобный песнописец,— днесь веселися, Христова Церковь: водою бо и Духом сынове тебе родишася, верою взывающе: несть свят, якоже Бог наш». Крещение Господне в водах Иорданских уже рождает сынов веры, и преподобный Косма обращается к Церкви Христовой как одушевленному организму, предлагая ей радоваться рождению ее сыновей.

Но, кажется, наиболее известным песнопением преподобного Космы о Церкви стал ирмос 3-й песни его канона на Сретение Господне: «Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси Честною Твоею Кровию».

Пением этой краткой, но действенной молитвы заканчивается каждое вечернее богослужение, и в мире и крепости, приносимой этим песнопением, верующие покидают храм. Твердо и верно предает Церковь свою судьбу в волю Того, Который стяжал ее Своим страданием и Своєю Кровию.

Мы считаем возможным на этом закончить разбор творений преподобного Космы Манумского с тем, чтобы, кратко остановившись на не-

* Впрочем, в греческом тексте «зовущая» ирмоса и «зовущи» тропарей имеют одну и ту же транскрипцию.

которых событиях его жизни, связанных с его творчеством, перейти затем к заключению. Мы пытались в нашем разборе оценить каноны преподобного Космы как со стороны их внешней структуры, так и с точки зрения тех основных идей, которые были вложены святителем Манумским в его произведения. Несомненно, достойное, оставленное нам великим гимнографом, так велико, что не исключаются труды дальнейшего и многостороннего исследования его творчества.

* * *

Почти во всех источниках, посвященных трудам преподобного Космы, имеются повествования о некоторых событиях его жизни, очень ценные для полноты характеристики его личности и деятельности.

Существует предание, объясняющее, почему в его каноне на Воздвижение Креста Господня имеются две различные по написанию 9-е песни. Согласно этому преданию, преподобный Косма, составив в свое время указанный канон, передал его для употребления в церквах. Однажды Преподобный пришел в Антиохию и стоял в храме при пении канона на Воздвижение Креста Господня, не будучи никем узнан. Он заметил, что канон поется не по тому напеву, на который он был написан, и обратил на это внимание поющих. Однако замечания Святителя не принимались, и тогда он должен был открыть антиохийским христианам, что он является составителем этого канона. Чтобы уверить собратьев в истинности своего замечания, по требованию их преподобный Косма здесь же написал другую 9-ю песнь канона на тот же напев и на те же буквы акростиха.

Нам, исследующим жизнь и творения великого песнописца, очень дороги эти сохранившиеся сведения, имеющие уже более чем тысячелетнюю давность.

Второе предание о преподобном Косме является еще более трогательным; его можно встретить переданным в различных выражениях в духовных книгах разного характера.

Так, А. П. Голубцов, ссылаясь на свидетельство Никифора Каллистата, передает его следующим образом. Когда преподобный Косма составил трипеснец на Великий пяток, в основу ирмоса 9-й песни канона он положил слова преподобного Ефрема Сирина, и этот ирмос «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим...» вызвал особую милость Богоматери к преподобному песнописцу. Божия Матерь, по свидетельству предания, явилась святителю Манумскому и сказала: «Приятны Мне песни твои, но эта приятнее других; приятны Мне те, которые поют духовные песни, но всего ближе бываю Я к тем, которые воспевают Меня этими словами». В других сказаниях к словам Богоматери добавляется, что Она явила Свою любовь к Святителю за прославление Ее в самый тяжелый для Нее день жизни — день крестной смерти Сына Ее.

Следует допустить достоверность этого сказания и уразуметь духовный смысл явления Божией Матери угоднику Божию — преподобному Косме. Явление это особым светом окрашивает житие его, труды его на пользу и во славу Святой Церкви.

Не случайно, как уже указывалось выше, этот ирмос «Честнейшую Херувим...» стал общеупотребительным почти в каждом богослужении; вокруг него, как вокруг некоего духовного фокуса, стягиваются нити церковной службы.

«Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождающую, сущую Богородицу Тя величаем» — без этого песнопения воистину нет должного строя в богослужении.

Преподобный Косма навечно, вперед многих и многих веков дал нам это прославление Божией Матери, и оно никогда не стареет! Таково действие гения, обретающего свою силу в Боге.

* * *

Нам осталось в заключение воспроизвести, в доступной для нас мере, образ преподобного святителя Манумского как личности. (Образ Преподобного см. на 12-й полосе вкладки.) Насколько мы вправе здесь приводить некоторые соображения, которые следуют из очень кратких данных о жизни и творчестве Преподобного, собранных нами?

И всё же эти соображения должны быть высказаны.

Прежде всего нам кажется необходимым остановиться на предположении о том, что преподобный Косма, проживший значительную часть своей жизни в Палестине, в городе Мануме близ Газы, не мог не испытать на себе влияния той духовной школы, которая сложилась в обители Газской при великих старцах Варсонофии и Иоанне. Правда, преподобный Косма много лет был связан с иерусалимскою обителью святого Саввы Освященного, но, проведя долгие годы епископского служения в Палестине, отдавал особое почтение святым палестинским; это следует из того, что только этим святым, согласно замечанию архиепископа Черниговского Филарета, были составлены преподобным Космою соответствующие каноны.

Следует учесть вместе с тем, что со времени кончины преподобных Варсонофия и Иоанна прошло более двухсот лет до того периода, когда в Мануму переселился святитель Косма, что Святитель жил в период иконоборчества, и поэтому многое из того, что было установлено великими старцами Варсонофием и Иоанном в обители Газской, могло уже измениться. И всё же при сопоставлении духовного образа старца Варсонофия, с одной стороны, и личности великого песнописца Космы, с другой, многое оказывается для них общим.

Это — прежде всего и главным образом — понимание сущности духовной жизни христианина. У старца Варсонофия — это воспитание внутреннего делания монаха, у святителя Космы — глубина взглядов на дело Христово в мире. Тот и другой святой, далее, оставили нам письменные свидетельства своего поведания и вероучения: один — в своих ответах на вопрошания учеников, другой — в своих канонах. Объединяет обоих святых палестинцев также и неизъяснимая сладость словес, которыми они излагают свои писания. Слова того и другого не утратили силы своей и значения до наших дней.

Можно было бы также сопоставить ряд высказываний обоих старцев о сущности христианства, это, однако, увело бы нас в сторону от основного направления данного очерка.

Другое наше соображение о духовных параллелях в раскрытии личности преподобного Космы Манумского имеет за себя больше оснований. Мы имеем в виду образ всеенского святителя Григория Богослова, к которому святитель Косма Манумский имел особую духовную близость. Это становится очевидным из следующих положений.

Прежде всего, одно из значительных произведений святителя Космы — канон на Рождество Христово, и именно ирмос 1-й песни его «Христос раждается, славите...» — взято из слова Григория Богослова на тот же праздник, начинающегося именно этим высоким и торжественным гимном «Христос раждается...».

Далее, только святителю Григорию Богослову (помимо палестинских святых, как указывалось выше) посвятил преподобный Косма свой канон — по существу единственный канон, не относящийся к прославлению великих праздников христианских. В этом каноне обнаруживается высота стиля преподобного Космы, изящество выраженной мысли и, конечно, глубокая духовная любовь к великому богослову.

«В постижимый внед мрак, — ищет преподобный Косма в тропаре 4-й песни, восхваляя святителя Григория, — и яко из нещеры каменным узрев задняя, срастворенное вещественное невественному

естеству, и неслитного смещения был еси сказатель, Христов угодник, Того рабом Его умоляет быти милостива».

В троисаре 6-й песни упомянутого канона святой Косма восклицает возлюбленному им Богослову: «...Ты Владыце, яко небесная капля, люди верныя исправил еси, Григорие».

Стараясь проникнуть в понимание личности великого творца канонов преподобного Космы, мы уже твердо устанавливаем родство его души с душой великого богослова и вселенского учителя — святителя Григория.

Если последний, по слову его биографа, «любвеобильный и отличавшийся особенною нежностью чувства...», был питателем нищих, служителем больных, успокоителем страстных, утешителем бедствующих, защитником несчастных...», то и преподобный Косма мог быть только таковым же, что следует из его жизнеописания и характера его трудов.

Обоих святителей роднит глубина их богословия, та пренскрещенная и высокая духовность, которая присуща их писаниям.

Наконец, великого песнописца роднит с великим богословом Григорием их любовь к природе. В стихах последнего можно найти много трогательных строк, посвященных красоте мира Божьего. Образы природы, как мы видели выше, вводил в строки своих канонов и преподобный Косма.

Эти приведенные нами сопоставления творчества святителя Манумского и других святых отцов еще более выявляют особенности характера и личности преподобного песнописца.

Преподобный Косма был носителем великого творческого дара слова. Этот дар сочетался в нем с тихостью его жизни и святительского делания в небольшом палестинском городе. Всю жизнь он оставался искренним другом своего побратима — святого Иоанна Дамаскина, вместе с ним положил труды на составление Октоиха, праздничных стихир и канонов, вместе с ним же, согласно указаниям биографов, обличал иконоборческую ересь.

Преподобного Косму привлекали глубокие вопросы домостроительства спасения человека; на них он отзывался всей силой своего дарования. Он был носителем высокой, в полном смысле духовной жизни, из глубины которой и черпал силы для изъяснения таинств христианства. «...Ясно возгремел еси,— читаем мы в службе Преподобному,— педоуменное, страшное же и великое... строения таинство».

В свете стремлений современного человечества сохранить и восстановить образы ушедших великих носителей Духа Божия должна быть рассмотрена и наша попытка дать посильное представление о гении великого гимнографа VIII века — преподобного Космы Манумского. Всему человечеству, и особенно Церкви Христовой, оставлено святителем Космой великое наследие Слова, являющегося украшением рода нашего. И всему человечеству оставлено Преподобным в его трудах руководство к подлинной духовной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- С. Булгаков.* Месяцеслов и Триодной Православной Церкви. Харьков. 1895.
Преп. Варсонофий Великий и Иоанн. Руководство к духовной жизни. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Москва, 1852.
А. П. Голубцов. Из чтений по церковной археологии и литургике. Ч. II. Литургика. Сергиев Посад, 1918.
Св. Дмитрий, митрополит Ростовский. Четви-Минен. Москва, 1880.
И. Карабин. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910.
Е. Ловягин. Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках. СПб., 1875.
 Минен. Москва, Синод. типография, 1913.
 Триодь постная. Москва, Синод. типография, 1895.
Филарет, архиеп. Черниговский и Нежинский. Историческое учение об отцах Церкви, ч. III. СПб., 1882.